

Новая модель экономического роста на основе возрождения производства, науки и образования

**Бодрунов С.Д.,
д.э.н., профессор, директор ИНИР имени С.Ю. Витте**

Аннотация. В статье рассматриваются императивы развития высокотехнологичного производства, науки и образования, ставшие еще более актуальными за последнее время. Предлагаются пути решения социально-экономических проблем путем переориентации социально-экономической политики на обеспечение приоритетного развития современного общественного производства, науки и образования.

Ключевые слова: материальное производство, наука, образование, социально-экономическая политика, реиндустириализация.

New Model of Economic Growth on the Basis of Production, Science and Education Revival

Bodrunov S. D.

Abstract. The article presents imperatives of hi-tech production, science and education development which became even more urgent presently. The author offers solutions of social and economic problems by reorientation of social and economic policy to ensuring priority development of modern social production, science and education.

Keywords: industry, science, education, social and economic policy, reindustrialization.

Геополитические и геоэкономические вызовы, с которыми сталкивается российская экономика, существенно обострили те противоречия, которые были заложены в предшествующие десятилетия, поэтому сегодня и перед экономическим сообществом, и перед политическими властями стоит задача поиска новой модели экономического роста и даже новой экономической доктрины. Действующая модель нашей экономики, говоря словами нашего президента, полностью себя исчерпала. Необходимы новые подходы, новый взгляд на социально-экономическое развитие нашего общества в целом. Сегодня всем нам как никогда ранее важно размышлять о стратегии, целях и задачах развития, а они носят не только узкую направленность: нам необходим совместный поиск и диалог технарей, гуманитариев, экономистов, деятелей культуры. Себя исчерпала не только прежняя модель экономического развития, но и прежняя модель нашего бытия и видения будущего.

Остановимся на неотложных шагах: на переориентации социально-экономической политики на обеспечение приоритетного развития современного общественного производства. Вспомним о важнейших выводах из предыдущих исследований.

Во-первых, мы установили, что важнейшей причиной состояния нынешней российской экономики является ее глубокая деиндустриализация. Деиндустриализация – не просто отставание развития экономики, а явление, обратное индустриализации, оно пронизывает народное хозяйство длительным индустриальным способом удовлетворения материальных потребностей социума, общества, что требует осуществления некого производственного процесса, в ходе которого с использованием тех или иных идей и материальных объектов, технологий (в т. ч. технологического оборудования и технологического труда) возникают те самые блага, которые и призваны удовлетворять людские материальные потребности (продукты). По нашим представлениям, деиндустриализация снижает индустриальную насыщенность народного хозяйства через деградацию всех указанных выше компонентов материального производства, создавая эффект 4D. При деиндустриализации наблюдается сокращение техно-

логического уровня и глубины переработки сырья, оснащенности производственных систем, промышленного парка, оборудования и приспособлений, снижение квалификации персонала, утрата навыков и умений, понижение квалификационного уровня, утрата профессий, компетенций и т.д. То есть происходит деградация технологического уровня, дезорганизация производства, деквалификация индустриального труда и упрощения продукта производства. Следствием этого становится дестабилизация финансово-экономического состояния производственных компаний, дезинтеграция промышленной кооперации, снижение технологического уровня продукции, уход с рынков, ухудшение экономического состояния в целом, стагнация экономики и т.д. Именно это мы сегодня наблюдаем, деиндустриализация – одна из основных причин непростого положения, в котором находится наша экономика.

Альтернативой должна стать реиндустриализация (или новая индустриализация), понимаемая не столько как восстановление прежнего промышленного потенциала нашей страны (хотя это было шагом вперед по сравнению с рыночной ситуацией), сколько создание качественно нового облика материального производства в рамках парадигмы восстановления приоритета индустриальной компоненты в структуре нашей экономики.

Второй вывод. Возрождение прогресса современного высокотехнологичного материального производства невозможно без развития фундаментальной науки, общедоступного образования, массовой материально-технической деятельности, высокого уровня культуры. Одно из средств прогресса в этих сферах – создание так называемых ПНО-кластеров – экономико-технологических пространств, интегрирующих производство, науку и образование и использующих в том числе достижения советского и зарубежного опыта.

Третий вывод. Для решения этих проблем необходимо серьезное изменение экономической политики. Важнейшие направления – разработка и реализация долгосрочных программ государственно-частного партнерства, активная промышленная политика, включающая селективные методы стимулирования, налоговая политика, а также культурно-идеологическая поддержка человека труда (рабочих, инженеров, ученых, педагогов). В настоящее время можно утверждать, что движение в этих направлениях идет, хотя наметивши-

ется отдельные позитивные изменения пока происходят лишь в некоторых отраслях (оборонно-промышленный комплекс, аэрокосмическое производство), а в большинстве отраслей, в том числе в образовании и науке, ситуация меняется мало.

Тем ответственней сейчас роль экспертного сообщества, ученых, которые должны предлагать взвешенные и продуманные рекомендации. Такой подход предусматривает необходимость открытой товарищеской дискуссии с коллегами. Не секрет, что эксперты и представители академической науки в своих рекомендациях часто уходят в крайности, например, предлагают переход к свободному рыночному регулированию. В то время как уже существует много отечественных и зарубежных исследований о том, что рыночное саморегулирование обязательно должно сопровождаться общественно-государственным регулированием, которое ограничивает «свободную руку» рынка и направляет ее в нужную сторону. Более того, в современной России приведение в жизнь идеологии рыночного фундаментализма оборачивается деградацией производства, общедоступного образования, академической науки и культуры. Монетаризм становится прикрытием для приоритетного развития сферы услуг и посредничества. При этом материальное производство оказывается на втором плане, что приводит, в частности, к деиндустриализации, о чем говорили академики С.Ю. Глазьев, Р.И. Нигматулин и др. авторитетные ученые.

С другой стороны, ряд ученых, справедливо критикующих рыночный фундаментализм, впадают в другую крайность. В частности, А.В. Бузгалин с коллегами полагают, что приоритетом развития экономики должно быть не просто материальное производство, а то, что они называют «креатосферой». Данное понятие включает образование, науку, культуру, оставляя промышленности, строительству, транспорту, сельскому хозяйству и др. отраслям некую «подсобную», обслуживающую креатосферу, роль, работающих на заказы *homo creator'a*. Более того, в рамках данной модели явно занижается роль рынка, частного бизнеса, а функции государства, в частности, планирование, получают существенное расширительное толкование.

Автор статьи более десяти лет активно работает над проблемами реиндустриализации. Ряд коллег, активно пропагандирующих соот-

ветствующие идеи, зачастую, однако, сводит их суть к одному базовому, но относительно частному, аспекту проблемы, отклоняясь от самой сути реиндустириализации. Наша же задача – не просто восстановление промышленности, а формирование целостной, сбалансированной модели экономической структуры, в которой приоритетным является высокотехнологичное материальное производство, передовая фундаментальная прикладная наука, общедоступное, ориентированное на развитие реального сектора экономики и человеческих качеств, образование, а также культура.

Таким образом, можно отметить основные черты принципиально нового материального производства.

Во-первых, эффективность и непрерывное повышение знаниемкости. Данный термин мы используем в силу того, что во всех базовых компонентах современного эффективного материального производства знания и все, что связано с их выработкой и реализацией, будет занимать не только приоритетное место, но и постоянно возрастать.

Во-вторых, особенности производственного процесса и тенденции развития технологий (гибкость, модульность, комплектация и т.д.).

В-третьих, использование современных методов организации управления.

В-четвертых, экологическая чистота и ориентация на новые источники энергии.

Такое материальное производство станет не восстановлением, а отрицанием отрицания индустриальной эпохи, пройдя по теоретической спирали: индустриальная, постиндустриальная, новая индустриальная экономика. Материальное производство критически интегрирует достижения и индустриальных, и постиндустриальных эпох, избавляясь от пороков деиндустриализации и финансализации индустриального общества. Наука в этой системе также обретет новые качества, станет интегрированным комплексом производства знаниеинтенсивной продукции, а не служанкой спекулятивного бизнеса, в котором достаточно проводить исследования ради исследований.

Для восстановления в новом качестве академической науки нам необходимо много работать. Разрушение такого общественного института, как Академия наук, уже обошлось крайне дорого ряду стран постсоветского пространства. Следует внимательно изучить опыт

китайских коллег, где, наоборот, большой объем государственных ресурсов направляется в академические структуры, включая и Академию общественных наук. Главным все же в этой системе является интеграция с общественным материальным производством. Не менее важно и развитие ПНО-кластеров, наследующих опыт научно-производственных объединений, наукоградов советской эпохи. Хотелось бы также напомнить об изученном нами ранее опыте работы западных технопарков.

Образование должно стать одним из приоритетов нашего развития, избавиться как от бессмысленных бюро консультаций, так и от самодовлеющей коммерциализации, соединиться с наукой и общественным производством.

Вместе с тем, ни производства, ни науки, ни образования, ни достойной жизни общества, ни высокого статуса государства у нас не будет, если мы не сумеем взрастить человеческий капитал, способный стать стимулятором и провайдером представленных выше социально-экономических революций, в том числе сформировать личность, достойную человека и гражданина. Человека с большой буквы невозможно сформировать не только без улучшения образования, но и без развития культуры.

Только в единстве всех указанных сфер (производства, образования, науки и культуры) мы сможем решить задачу возрождения нашей страны, и об этом не следует забывать ни излишне прагматичным производственникам, ни чрезмерно идеалистичным и романтичным гуманитариям и креационистам.

В свете последних мировых геоэкономических событий и санкций особенно значимым становится международный контекст возрождения нашей страны. Санкции стали той каплей, которая переполнила множество проблем нашей квазиоткрытой экономики. Задачи импортозамещения, стоявшие перед российской экономикой на протяжении последних лет, оказались особенно актуальны в условиях санкций, и те шаги по изменению экономической политики, о которых мы говорили все эти годы, оказались не просто полезны, но абсолютно необходимы. Более того, они оказались необходимы не только как внутри-политико-экономические, но и гео-политико-экономические методы. Этот пункт хотелось бы подчеркнуть особо. На научных мероприятиях, проводимых ИНИР, в частности, на Санкт-

Петербургском экономическом конгрессе в марте прошлого года, была отмечена важность гео-политико-экономического подхода к проблемам обновления любой экономики. Об этом говорила, в частности, приглашенная нами на конгресс профессор Р. Десаи, автор ставшей бестселлером книги на эту тему. Исходя из такого взгляда на проблему, мы можем и должны размышлять о возрождении российской экономики в гео-политико-экономическом контексте, поставить как минимум три вопроса: в диалоге с кем, что и как мы хотим развивать в перспективе?

Ответ на первый вопрос о субъектах интеграции предполагает переосмысление самого понятия «евразийство», переосмысление по отношению к нынешнему его употреблению не слишком вдумывающимися авторами, для которых оно стало словом, означающим новую моду, вместо ранее не подвергавшейся сомнению априорной любви к западу, евротандарту и евроремонту. Между тем, если говорить о корнях понятия «евразийство», то не следует забывать, что великие российские философы и экономисты всегда рассматривали хозяйственное и культурное положение России как моста, соединяющего Европу и Азию, как цивилизацию, интегрирующую ценности Запада и Востока и создающую особенную специфическую российскую модель социально-экономического развития и идеино-духовного бытия. Не отказ от Запада и не слепое копирование Востока, но интеграция достижений и того, и другого, с развитием прежде всего собственной цивилизационной специфики, – вот основа нашей великой миссии сближения Европы и Азии, в том числе экономического.

Таким целостным, прагматично-экономическим и ценностно-культурным нам видится решение задачи евразийской интеграции. В нашем прошлом было немало ошибок, в результате которых мы усвоили малоприемлемые для нас догматы, к примеру, цели экономической политики, устаревшие сейчас на западе догмы рыночно-фундаментализма. Однако, с другой стороны, в последнее время проводится принципиально важный и конструктивный курс на усилении интеграции с нашими азиатскими соседями.

И здесь нам есть чему поучиться у наших коллег и есть то, что стоит осмыслить из нашего опыта. В первую очередь, мы можем критически использовать опыт Китая в области стратегических императивов развития. И речь идет не только об институтах и формах

экономической политики, хотя в этой сфере Китай может дать немало позитивных уроков. Среди последних следует выделить использование долгосрочных программ, активную промышленную политику как средство обеспечения приоритетного развития высокотехнологического производства, ориентацию на приобретение у зарубежных партнеров не отдельных видов продукции, а целых технологических комплексов, включая ноу-хау и производства. Руководство Китая стремится развивать свое общество не только экономически, но и прежде всего социокультурно. В то же время, некоторые процессы в экономике Китая нас настораживают. Это и сохраняющаяся социальная дифференциация, и траектория все более нарастающей финансализации, и широкое сохранение идей неолиберализма в ряде китайских экономистов.

Объектом нашей стратегии должны стать те самые приоритеты, о которых мы говорим много лет и которые сделали центральной темой наших научных мероприятий. Мы полагаем, что главными объектами интеграции в рамках Нового шелкового пути могут и должны стать высокотехнологичное производство, наука и образование, не просто и не столько торговля всеми товарами, а совместные долгосрочные программы развития современных производств, и в перспективе ПНО-кластеры, которые могут стать первыми вехами будущего Нового шелкового пути и общего пространства развития.

Определение субъекта и объекта интеграции позволяет со всей определенностью ответить на третий вопрос о ее механизме, показать не только кто и что, но и как может и должно быть включено в интеграционные процессы. К числу таких механизмов можно и нужно отнести как внешнеторговые связи, так и совместные инвестиционно-производственные проекты, координацию промышленной политики, долгосрочную программу формирования ПНО-кластеров, разработку новых моделей организаций образовательных процессов и культурной политики. Более того, нам пора задуматься о совместном с нашими евразийскими партнерами формировании особой общей евразийской идеологии, которая интегрирует ценности Запада и Востока, достижения наших национальных культур, и соответственно, евразийской концепции развития нашей страны, предполагающей формирование нового евразийского гео-политико-экономического пространства с особой важной ролью России.